УДК 316

Мулляр Л.А.[1]
Коков А.[2]

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СТАГНАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматривается консервативный ресурс культуры. Приоритетное внимание уделено актуализации проблемы в истории социогуманитарного знания. Акцентировано стагнационное влияние культуры на деятельность управленческих структур и принятие управленческих решений.

Ключевые слова: культура, консервативный ресурс, стагнация, управленческая деятельность, социогуманитарное знание.

Mullyar L.A.
Kokov A.

CONSERVATIVE POTENTIAL OF CULTURE AS FACTOR OF STAGNATION OF ADMINISTRATIVE PROCESS

Abstract. The article deals with the conservative culture of life. Priority is given to mainstreaming issues in the history of socio-humanitarian knowledge. Accentuated stagnation influence of culture on the activities of the management structures and decision-making.

Keywords: culture, conservative life, stagnation, management activity, socio-humanitarian knowledge.

Современная Россия пытается осуществить стратегический прорыв к новому качеству управления, поскольку инновационная деятельность управленца изменяет характер и динамику социальных отношений, в результате чего выстраиваются и осуществляются новые модели социального развития. Особую роль в формировании инновационной составляющей управленческого потенциала играет культура, в той или иной степени определяющая устойчивые поведенческие стереотипы чиновника, явно или латентно воздействующая на эффективность управленческой активности. Вопрос сводится к тому, в какой мере культура консервативна по отношению к структурному обновлению системы управления и внедрению новых организационных технологий. Осмыслить риски, содержащиеся в культурном консерватизме, вряд ли возможно без анализа концепций, в которых обосновывается стагнационный потенциал культуры.

Исследования взаимодействия и взаимовлияния феномена культуры и социальных процессов находятся «на стыке» философии, культурологии, политологии. Еще Платон и Аристотель обратили внимание на важность аксиологических факторов для развития системы власти: форма и содержание управления во многом зависят от устоявшейся конфигурации ценностей. При этом Платон определил важное место воспитания ценностных ориентиров именно «стражей» и «правителей». Анализ стагнационного потенциала культуры нашёл отражение в трудах таких авторов как Г.Ф. Гегель, Ф. Ницше, З. Фрейд, Ж. Бодрийяр.

Г.Ф. Гегель проанализировал генезис и путь развития культуры как процесс самоотчуждения форм мирового духа: объективируется мировой дух в государство, а символи-

[1] Мулляр Лилия Анатольевна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры государственного, муниципального управления и права, Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, e-mail: mullyar@mail.ru
Mullyar Lilia, Dr. Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of State, Municipal Management and Law Institute, The North Caucasus institute-branch of RANEPA, Pyatigorsk, e-mail: mullyar@mail.ru
[2] *Коков Азамат,* магистрант, Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС
Cocov Azamat, undergraduate, The North Caucasus institute-branch of RANEPA

ческое воплощение государства обеспечивает культура. Погружение в мир культуры означает подчинение государству. Первая культура (государство), по мнению Гегеля, формируется на Востоке, в форме деспотии, где власть аккумулировалась в руках одного человека. В таком государстве нет свободы даже для деспота, есть только произвол, поэтому культура изначально несёт в себе ген несвободы, подавления. Оказывается, что мировой дух в виде государства и культуры располагается над индивидом, используя его как орудие достижения своих целей: «Частное в большинстве случаев мелко по сравнению со всеобщим: индивиды приносятся в жертву…» [1, с. 53]. Правомерно предположить, что в лице наиболее яркого представителя немецкого идеализма мы имеем одно из первых предупреждений о негативном влиянии культуры на развитие социума.

Ницшеанство эпатирует добропорядочных обывателей во все времена. «Философ неприятных истин» – так сам Ницше охарактеризовал свое творчество, в котором важнейшее место занимает констатация и обоснование регрессивной сути культуры, проявляющейся в её стремлении подавить и обуздать непосредственное движение жизни. Ставя человека в искусственные рамки, культура обезличивает его, сковывает волю, лишает возможности творчества. В прославившем Ницше произведении «Так говорил Заратустра» он предлагает собственную интерпретацию соотношения смыслов культуры. Оставаясь поклонником естественности и креативности жизни, Ницше парадоксальным образом не считает культуру высшей и адекватной формой бытия человека. Его диагноз достаточно однозначен - культура является болезнью / бременем человеческого рода. И такое противопоставление культуры и натуры составляет главный нерв ницшеанства. Философа раздражает, прежде всего, вырождение и деградация культуры. Пафос учения Ницше – это протест против культурной консервации и стереотипизации человеческого существования. И в этом протесте он безудержно категоричен. Для Ницше неприемлема регламентация культурой всего и вся, упорядочивающая мир так, что в нём не остаётся места для неповторимых явлений. Но более всего возмущает Ницше «приземлённость» культуры, которой незнакомы новаторство и возвышенные стремления. Акцент, сделанный на рутинных и консервативных моментах культуры, дает Ницше повод отбросить всё в культуре – государственность и науку, мораль и религию. «Бог умер!» – провозглашает Ницше. Очевидно, что Ницше тяготеет к крайностям: он предъявляет такую форму бытия человека, при которой натура противостоит культуре: свобода – ограниченности, незаурядность – посредственности, творчество – рутине, новаторство – обыденности.

В качестве ответа на кризис культуры и дегуманизацию общества выглядит закономерным введение Ницше понятия контркультуры как комплекса установок и ориентаций, которые противостоят традиционной консервативной культуре. Путь человеческого духа к сильной индивидуальной воле весьма сложен и связан с сопротивлением культурным стереотипам.

Известный австрийский психолог и философ З. Фрейд проблемами культуры специально не занимался. Но своей принципиально новой психоаналитической теорией он оказал значительное влияние на понимание культуры. У Фрейда культура является порождением сложной внутренней жизни индивида, её неустроенности: в глубинах человеческой души таится бессознательное «Оно», определяющее культурную жизнь, связанное с энергией либидо. Фрейдизм подводит научную базу под констатацию и объяснение регрессивных функций культуры:

1) посредством универсальных запретов культура провоцирует латентное пробуждение архаических деструктивных влечений (насилие – ненависть – месть);

2) культура тотально запрещает удовлетворение архаичных желаний, эксплуатируя эмоцию «страх» как средство их подавления;

3) культура запускает механизм формирования бессознательного чувства вины за само наличие запретных желаний;

4) культура формирует навыки массообразования, снимающего чувство вины и страх за счет подавления личностной суверенности.

В книге «Будущее одной иллюзии» основатель психоанализа рассматривает, например,

религиозные представления как создаваемые консервативной культурой иллюзии. Фрейд выступает за попытку нерелигиозного воспитания человечества, полагая, что, перестав ожидать чего-то от загробного существования и сосредоточив все силы на земной жизни, человек сможет сделать жизнь сносной для всех. В работе «Недовольство культурой» Фрейд упрекает религию в том, что это «учение, лишившее ценности земную жизнь» [2, с. 123].

Французский философ Ж. Бодрийяр создал концепцию о симулякрах как главных продуктах культуры - суррогатах, несамотождественных феноменах, фальш-копиях. Современную культуру Бодрийяр называет эрой симулякров – труд не производит, а «услуживает»; представительные органы власти никого не представляют; люди создают видимость веры, дружбы, любви, деловой активности. Культура заместила реальность симуляцией / подобием реальности, «как бы» реальностью. Бодрийяр убеждён, что культура стала настолько насыщена симулякрами, а наша жизнь настолько насыщена навязанными культурой конструкциями, что всякий смысл оказывается бессмысленным и бесконечно ускользающим, «как бы» смыслом. Бодрийяр назвал этот феномен «прецессией симулякров»: в современной культуре суррогат занимает место оригинала, например, так же, как рассматривание географической карты замещает путешествие по настоящей территории.

Мыслители разных эпох обнаружили и обстоятельно рассмотрели регрессивные и стагнационные потенциалы культуры, которые являются объективным препятствием для инновационной деятельности вообще и в управлении, в частности: «ген несвободы индивидуальности» (Гегель), «стереотипизация человеческого существования» (Ницше), «функция подавления» (Фрейд), «прецессия симулякров» (Бодрийяр) могут быть вовлечены и в политическое / управленческое действие и способны определять менталитет и образцы управленческого поведения по поводу реализации власти и влияния на политические процессы. Кроме того, культура осуществляет ретрансляцию стагнационных моделей, которые образуют «резервуар» нетленных норм: культурная консервация выступает механизмом сохранения и наследования коллективного опыта. Оппозицией «стагнации» являются инновации. Под инновацией понимается новая культурная модель, которая создаёт предпосылку для нарастающих социокультурных изменений. Проблема соотношения стагнации и новации в культуре весьма актуальна. Считается, что исторически социальные образования, тяготеющие к консервации и воспроизведению традиционных форм культурной наличности, оказывались гораздо более устойчивыми на протяжении многих веков и даже тысячелетий. При этом, подобные социальные образования весьма архаичны, не имеют шанса попасть в первый эшелон развития, ибо стагнационная культура озабочена неуклонным воспроизведением первичных форм. Культуры, ориентированные на стагнацию, содержат очень сильный акцент на сохранение незыблемости однажды утвержденных в качестве истинно подлинных репрезентативных форм-явлений, благоговеют перед «буквой истока», достаточно тяжело воспринимают формальные нововведения, нарочито и ярко отвергают иной культурно-исторический опыт и не нарушают линию преемственного наследования. При этом, архаичные культурные практики, неукоснительно и рьяно цитирующие в каждом жесте «букву истока», вполне могут являться лишь имитацией / симулякром уже давно утраченной традиции, её некоей декоративной и ни к чему не обязывающей декларацией.

Знаковым прецедентом влияния стагнационной культуры на стиль и методы управления в России является принцип политической культуры – этатизм – приоритетная роль государства как фактора развития всех сфер жизни общества. Этатизм в России традиционно характеризуется приоритетом таких базовых ценностей как патернализм, чувство социальной консолидации вокруг власти, вера в «доброго царя» и др. Для российского политико-управленческого менталитета характерным является культ государственной власти, преклонение перед ней как воплощением силы и господства. Такая фетишизация государственной власти порождена этатизмом восточного образца: авторитарный характер власти и главенство государства при недооценке роли гражданского общества; не завоевание обществом демократических прав

и свобод, а дарованность их милостью монарха / президента. Отсюда – абсолютизация роли бюрократии, клиентелизм, массовая политико-управленческая инертность и иммобильность, отсутствие стремления к развитию и инновациям, моральный нигилизм бюрократии. При этом, важно заметить, что историческое влияние византийской политической культуры отразилось в заимствовании двух основных положений: идеи божественного происхождения власти монарха и идеи социальной покорности – государство наделяется сверхъестественными свойствами, в высокой степени мифологизируется как всесильное чудодейственное явление и эмоционально воспринимается как создатель незыблемого порядка.

В современной России управленческие процессы носят перманентно эклектичный характер: в российской политико-управленческой системе сосуществуют противоположные культурные принципы, такие, как, например, инерционность (стагнационность) и инновационность, нестяжательство и меркантилизм, формальный интернационализм и бытовой национализм. Это позволяет сформулировать важную характеристику российской политической жизни – внутреннюю противоречивость, обусловленную попытками внедрения инновационных технологий в управление, но в условиях стагнационной российской культуры: инновации формально приветствуются, но фактически игнорируются, поскольку доминирующие этноконфессиональных (менталитет, традиции, религии и т.д.) факторы влияют на систему управления и, как следствие, определяют модели поведения чиновников.

Нельзя не заметить, что региональные аспекты развития управленческих процессов актуализировались в результате проведения в России экономических и политических реформ. Важнейшим критерием культурного облика чиновников региона выступает соотношение в нем тех или иных этнонациональных культур, религиозные ориентации, эстетические предпочтения. Особое внимание обращает на себя религиозный фактор, который, по нашим оценкам, выходит на ключевые позиции при определении принципов соотношения культуры и политико-управленческих процессов в России.

Проблемы управления и культуры во многом пересекаются. Развитие управленческой системы невозможно без соответствующей ей системы ценностей. Считаем правомерным сформулировать некие основополагающие принципы взаимодействия культуры и политико-управленческих процессов в России:

1. Российская культура отличается высоким уровнем поляризации двух основных оппозиций – это традиционные ценности, сформировавшиеся в течение нескольких веков исторического развития, и инновационные ценности, в основном транзитные по своей природе (заимствованные из зарубежной политической практики). Данная характеристика российской культуры напрямую влияет на политический процесс, придавая ему особое, зачастую парадоксальное содержание.

2. Взаимовлияние культуры и управления является многоаспектным и противоречивым процессом. Генерирование и трансляция социальных ценностей, определяющих особенности сознания и мотивы поведения управленца, обеспечиваются доминирующими культурными приоритетами. Иными словами, культура выступает институциональной основой управления, определяя ценностные ориентации политико-управленческих акторов (чиновников). В этом контексте культура представляет собой, по нашему мнению, технологию управления.

3. Анализ феномена культуры как технологии управления, то есть комплекса различных ценностных и социокультурных факторов, не имеющих прямого отношения к политико-управленческой сфере, но оказывающих постоянное перманентное влияние на управленческие процессы, позволяет понять латентные механизмы, сдерживающие инновационную направленность управления: «Следует принять во внимание, что современная русская управленческая культура, формировавшаяся в условиях «классического» индустриально-конвейерного производства, существенно отстает от требований «прорывной» модернизации экономики страны... В рамках проекта «Национальные культуры и современное производство» в начале 1990-х гг. была изучена культура управления в промышленности. К характерным чертам позднесоветской рус-

ской управленческой культуры относятся: преобладание «запретительной» направленности норм и правил; формализованные отношения; преимущественно иерархическая структура управления; распространенность демонстрации власти, подчеркивания властных функций на каждом уровне управленческой иерархии; ориентация на наказание за ошибки, жесткий контроль за выполнением должностных обязанностей и инструкций; поощрение совмещения профессий и обязанностей; централизация принятия решений и ответственности; ориентация на решение общегосударственных задач; стремление к сохранению опеки со стороны правительственных органов. Отечественный менеджмент и в начале нового века по-прежнему делает ставку на авторитаризм и административные методы, что не соответствует уже ни технологическим условиям производства, ни принципам рыночной регуляции хозяйственной деятельности…» [3, с. 68].

4. В условиях мультикультурного и многонационального характера российского социума, особое значение приобретают региональные аспекты процесса взаимодействия культуры и управления.

Современная социальная ситуация характеризуется как переход от индустриального к информационному обществу, что требует смены ценностных приоритетов в сфере управления: от простой передачи распоряжений к выработке умения осмысливать социальное целое в его историческом измерении и осознанному формированию системного взгляда на развитие общества. В условиях быстрых социальных изменений, общество предъявляет управлению задачу применения инновационных методов решения нестандартных ситуаций. Естественно, что при этом теряет эффективность, распространенная в России традиционная модель управления, ориентированная на трансляцию готовых решений «сверху». Расхождение между традиционными социокультурными приоритетами чиновников и потребностями в инновационной системе управления содержат в себе риск возникновения определенной социальной напряженности, что может привести к серьезному социальному кризису. Без учета социокультурных факторов невозможно проведение адекватных преобразований и инновационных практик, поэтому актуально изучение взаимодействия культуры и политико-управленческих процессов в контексте развития российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
2. Фрейд З. «Недовольство культурой». М.: Наука, 1992. 120 с.
3. Шкаратан О. Карачаровский В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России: социология, этнология. Издательство: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2002. – №1, том 11. – С. 3-56.